

А. Л. ЯКОБСОН

АРМЕНИЯ И СИРИЯ. АРХИТЕКТУРНЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Архитектурные взаимоотношения Армении и Сирии в раннее средневековье — в V—VI вв. — тема отнюдь не новая. В той или иной степени об этом говорили многие, начиная с Н. Я. Марра¹. После него роли Сирии в истории армянского зодчества касались И. А. Орбели², И. Стриговский и Ф. Маклер³. В последнее время об этом писали Н. М. Токарский (в 1946 и 1961 гг.), А. Л. Якобсон (1950 г.), А. А. Саинян (1955 г.), авторы общего очерка истории армянской архитектуры (1964 г.)⁴. Но всякий раз проблеме архитектурных связей Армении и Сирии посвящалось всего несколько общих фраз, об этом говорилось попутно, между прочим, большей частью вскользь. Специального исследования этот вопрос так и не дождался. Может быть, именно этим и объясняется та разногласица, которая наблюдается в его решении.

А между тем взаимосвязи армянского и сирийского зодчества V—VI вв. достойны пристального внимания: их изучение позволяет более детально проследить процесс зарождения монументальной архитектуры раннесредневековой Армении — процесс, подготовивший тот исключительный подъем, если не сказать скачок, во всей культуре, и особенно в зодчестве, которым ознаменовалась жизнь Армении в VII в.

Более конкретно, чем другие, о роли сирийских архитектурных источников в Армении писал Н. Я. Марр. Он приводил и сравнительный материал, даже указывал на «архитектурное течение из Сирии в Армению» и объяснял наличие его тем, что в «ту раннюю пору восточная армянская церковность находилась в теснейшем, притом исключительном, общении с сирийскою» и что «первоначально христианство в восточной Армении органически было связано с Сирией, откуда с духовным содержанием церковности притекали, надо полагать, воплощавшие его нормы христианского зодчества»⁵. Это — «эпоха общения армян с сирийцами»⁶. И. А. Орбели писал, что «первые архитектурные памятники (почти единственное

¹ Н. Я. Марр. Ереруйская базилика. Ереван, 1968, стр. 37; *его же*. Новые археологические данные о постройке типа Ереруйской базилика. — ЗВОРАО, XIX, вып. 1, 1909, стр. 64.

² И. А. Орбели. Армянское искусство. — «Новый Энциклопедический словарь», пад. Брокгауза и Эфрона, т. 3, стр. 665.

³ J. Strzygowski. Die Baukunst der Armenier und Europa. Wien, 1918, I, S. 154; II, S. 505; Fr. Macler. L'architecture arménienne dans ses rapports avec l'art syrien. — «Syria», I, 1920, p. 253—263.

⁴ Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946, стр. 49, 51 (2-е изд., 1961, стр. 73, 78, 79—80); А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении V—XVII вв. М.—Л., 1950, стр. 13—14; А. Саинян. Архитектура Касахской базилики. Ереван, 1955 (на арм. яз. с русск. резюме), стр. 243—245, 277; А. Саинян, К. Оганесян, С. Мнацаканян, М. Бабалян. Очерк истории армянской архитектуры. Ереван, 1964 (на арм. яз.), стр. 76.

⁵ Н. Я. Марр. Ереруйская базилика, стр. 29, 30, 37. См. также: В. А. Мизанкова. Н. Я. Марр. М.—Л., 1949, стр. 154—155.

⁶ Н. Я. Марр. Кавказ и памятники его духовной культуры. Пг., 1919, стр. 14.

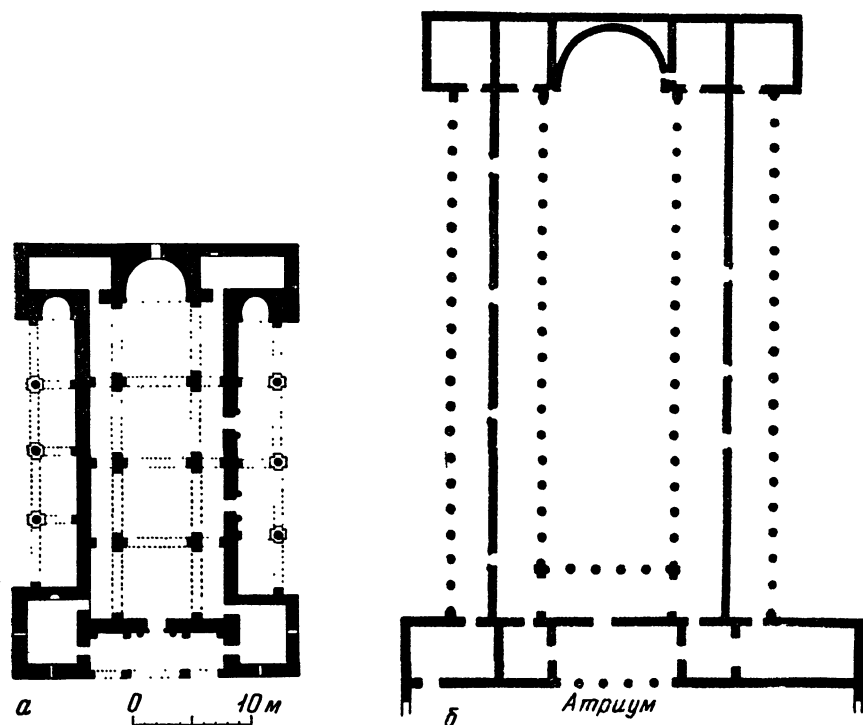

Рис. 1: а — Еревуйкская базилика (по Т. Торамаянцу); б — базилика в ель-Бара (по Г. Чаленко).

наследие древнейшего христианского искусства Армении) носят чисто сирийский характер»⁷.

Само распространение христианства из Сирии в Армению (а процесс этот начался еще в III в. н. э.) не могло не сопровождаться определенным влиянием своеобразных форм сирийской культовой архитектуры, неизбежно накладывавших печать на слагавшуюся в IV—V вв. христианскую архитектуру Армении⁸. К такому предположению ведет нас вся история взаимосвязей Армении и Сирии в IV—V вв., прежде всего история христианской церкви в обеих странах, и то выдающееся значение, которое имели сирийские центры (в первую очередь Антиохия) в насаждении в Армении христианской культуры: ведь именно в Антиохии получали образование деятели армянской церкви, в том числе и знаменитый Месроп Маштоц, а в Кесарии (центре соседней Каппадокии) воспитывался и был посвящен в архиепископы Григорий Просветитель. Возникшее в начале V в. несторианство еще теснее сблизило армянскую церковь с сирийской. Правда, на Эфесском соборе 431 г. армянская церковь порвала с несторианством, но фактически разобщение обеих церквей произошло, как известно, позднее, на Двинском соборе 506 г., окончательно отречься от догматов Халкедонского собора. Эти решения, подтвержденные на Двинском соборе 554 г., утвердили независимость и самостоятельность армянской церкви. Разрыв армянской и сирийской церквей не мог не отразиться и на архитектуре, но, конечно, не сразу, а постепенно.

Архитектурным связям Армении и Сирии способствовала и общность природных условий в обеих странах, определивших самый материал монументальных построек — камень (туф, базальт) и близость архитектурно-

⁷ И. А. Орбели. Армянское искусство, стр. 665.

⁸ Влияние Сирии на зодчество Армении в IV и особенно в V в., конечно, не ограничивалось «в основном внешним убранством», как полагает Н. М. Токарский («Архитектура Армении IV—XIV вв.». Ереван, 1961, стр. 73).

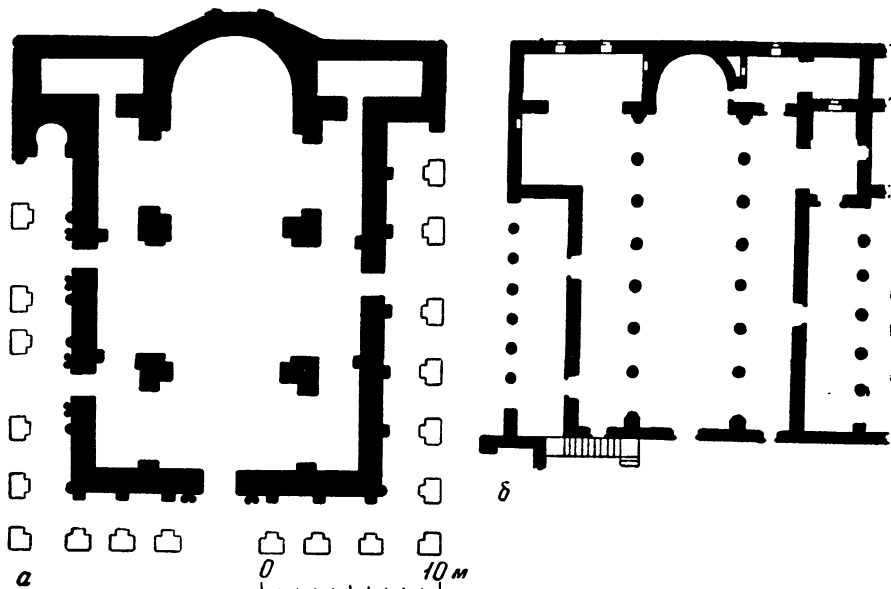

Рис. 2: а — базилика в Текоре (по Т. Тораманяну); б — базилика в Серджила (по Бетлеру).

технических приемов (кладка стен и пр.), а также, вероятно, социальные условия строительства, которое велось вольнонаемными артелями каменщиков, переходивших с места на место в поисках выгодного подряда. Они насаждали выработанные долгой практикой традиционные и привычные им формы там, куда призывали их заказчики. Вольнонаемные строительные артели засвидетельствованы в восточной Анатолии, т. е. районе, смежном с Арменией, уже в конце IV в.⁹ Вряд ли можно сомневаться, что таким путем сирийские строители переходили и в Армению.

В близости форм монументальной архитектуры V—VI вв. Армении и Сирии убеждают такие выдающиеся армянские памятники, как Ереруйская и Текорская базилики (рис. 1а, 2а), некоторые сирийские параллели которым уже указывал Н. Я. Марр в цитированной работе об Ереруйской базилике, написанной еще около 1910 г. Но Н. Я. Марр писал об этом в сущности тоже попутно, не концентрируя внимания на сирийских сопоставлениях. Да и возможности для этого были тогда ограниченными. А после упомянутой его работы связи армянской и сирийской архитектур в эпоху раннего средневековья (в V—VI вв.) указывались лишь в самой общей форме и специально не изучались.

Впрочем, некоторые исследователи вообще отрицают такие связи для начального периода христианской архитектуры в Армении. Так, А. А. Саинян, хотя и признает «характерную общность, существовавшую в раннехристианский период в архитектурном искусстве Сирии, Малой Азии, Армении и вообще кавказских народов»¹⁰, видит эту общность только на втором этапе развития армянского зодчества, т. е. в тот период, когда Ереруйская и Текорская базилики успели приобрести «позднейшие добавления»¹¹, а именно: Текорская базилика — галерею, шедшую кругом храма, трехгранную апсиду (по Т. Тораманяну, алтарь первоначально помещался в прямоугольном выступе) и купол; Ереруйская же базилика — южную и северную галереи и портик с западной стороны (хотя то и дру-

⁹ Имею в виду письмо Григория Нисского епископу Иконии Амфилохию, написанное между 379 и 394 гг. (PG, t. 46, col. 1096 sq.; J. Strzygowski. Kleinasion. Leipzig, 1903, S. 79—81; русск. пер.: Творения Григория Нисского, изд. Моск. Духовной Академии, ч. 8. М., 1871, стр. 538—539).

¹⁰ А. А. Саинян. Архитектура Касахской базилики, стр. 244.

¹¹ Там же, стр. 277.

гое — весьма предположительно и не бесспорно). Но эти достройки были произведены не позднее V в. (только купол Текорской базилики — позднее, может быть, в VI в.)¹². Поэтому называть эти дополнения «позднейшими», конечно, невозможно. Но если А. А. Саинян признает появление «общности» армянской и сирийской архитектуры уже в V в., то тем самым исчезает и предмет наших разногласий¹³. А в более древних армянских христианских храмах в виде простейшей базилики типа Касахской А. А. Саинян не видит никаких точек соприкосновения с сирийской архитектурой, с чем согласиться не могу (об этих памятниках речь ниже), хотя вполне присоединяюсь к его тезису о наличии у создателей армянских христианских храмов IV—V вв. большого опыта каменного строительства и о наличии «местных предпосылок, основанных на зодчестве дохристианского периода»¹⁴.

Тезис Н. Я. Марра о сирийском «архитектурном течении» в Армении V в. был исторически вполне обоснован. Но теперь мы можем значительно полнее раскрыть его и проследить архитектурные связи Армении и Сирии на несравненно более обширном материале, ибо изучение раннесредневековых армянской и сирийской архитектур с тех пор намного продвинулось вперед.

Задача предлагаемой статьи — полнее сопоставить армянскую и сирийскую архитектуры V—VI вв. и наметить их контакты. Но выполнение этой задачи поставит перед нами и другую, не менее важную, задачу — выявить *расхождения* той и другой архитектуры и показать тенденции этого процесса, который привел к формированию своеобразной и поразительной по своему совершенству армянской архитектуры VII в., ставшей для Закавказья классической.

Из сказанного ясно, что большая роль Сирии в сложении армянского зодчества V—VI вв., о чем писал Н. Я. Марр и выяснению чего посвящена настоящая статья, ни в какой мере не снижает значения «глубоких корней армянской архитектуры и самобытности путей ее развития»¹⁵ и «местных предпосылок архитектурного искусства»¹⁶. Наоборот, изучение связей с Сирией позволит оттенить это своеобразие и самобытность и тем самым поможет лучше понять и полнее оценить его.

Мы, повторяю, начнем с наиболее замечательных памятников армянского зодчества V в. — с Ереруйской и Текорской базилик — в том виде, который они приобрели в то время (т. е. с галереями и портиком с западной стороны — у Ереруйского храма и с галереями и трехгранной апсидой — у Текорского, но до достройки его более позднего купола). Обе базилики объединяет с одновременными сирийскими храмами не только общий тип трехнефной каменной базилики под деревянным стропильным перекрытием. На этом общем фоне выделяются отдельные компоненты базилик. Прежде всего имеется в виду специфическая черта Ереруйской базилики — башни, фланкирующие западный вход. Н. Я. Марр их называл башнеобразными приделами; они, по его наблюдениям, были явно двухэтажными, как и восточные приделы храма. «Из верхних этажей выход был, по всей вероятности, на портик второго яруса»¹⁷. Башни по сторонам входа, заключающие в себе лестницы на второй этаж, характерны для многих базилик Сирии V—VI вв., притом главным образом в северных ее районах, ближайших к Армении. Такую

¹² Аналогичный купол на кубовидном основании имеет мавзолей Галлы Плацидии в Равенне, 425 г.

¹³ Но вместе с тем становится непонятно, против чего возражает А. А. Саинян (указ. соч., стр. 244), цитируя страницы 12—13 моих «Очерков армянского зодчества. . .».

¹⁴ А. А. Саинян. Указ. соч., стр. 244.

¹⁵ Примечание Б. Н. Аракеляна и В. М. Арутюняна к книге: Н. Я. Марр. Ереруйская базилика, стр. 30.

¹⁶ А. А. Саинян, Указ. соч., стр. 244.

¹⁷ Н. Я. Марр. Ереруйская базилика, стр. 47.

композицию имели базилики Рувеха, Турманин, Марата, Кальблосе, Керратин, Иль-Андерин (кафедральный собор), ель-Бара, а в Южной Сирии могут называть лишь западную базилику в Умм идж-Джемаль¹⁸. К этим сирийским храмам примыкает несколько раннесредневековых базилик с башнями по сторонам входа в Бин-бир-килиссе в Ликаонии (южная часть Малой Азии), т. е. районе, почти смежном с Северной Сирией¹⁹. Башни эти в сирийских храмах выступают в двух вариантах: они либо с самого низа отделены от собственно входного пространства²⁰, либо в нижней части объединены с ним²¹; при этом варианте образуется обычный в эллинистических базиликах нартекс, над южным и северным концами которого и возвышаются башни. В Ереруйской базилике представлен первый вариант²². Если это не были башни с лестницами, ведущими на портики или на хоры, а только западными двухэтажными приделами, то тем более симптоматично использование для этих приделов башенной композиции сирийских базилик.

Другой характерной чертой Ереруйской, а в первоначальном виде (до перестройки) и Текорской базилик, сближающей их с базиликами Сирии, были галереи с портиками, шедшие вдоль северной и южной сторон храмов. В Ереруйской базилике галереи тянутся от башен с западной стороны до приделов (пастофориев) по сторонам центральной апсиды. В Текорской базилике, у которой не было башен, галереи, вероятно, окружали храм с трех сторон и замыкались с восточной стороны также очень развитыми пастофориями.

В сирийской культовой архитектуре V—VI вв. галереи были весьма распространенным явлением, притом главным образом опять-таки в северных районах страны. Галереи с устоями в виде колонн или столбов, соединенных архитравом, протянуты либо вдоль северной и южной сторон базилики²³, как в Ереруйке, иногда — с северной и западной сторон²⁴, либо, чаще, с южной и западной сторон²⁵, либо только с южной стороны²⁶;

¹⁸ Рувеха: *H. Beyer*, p. 60, 66; *H. Butler*, 1903, p. 100; *H. Butler*, 3, p. 144, tabl. XV—XVI; *H. C. Butler*, 1929, p. 145. Турманин: *H. Beyer*, p. 62, 65; *H. Butler*, 1929, p. 95; Марата: *H. Beyer*, p. 18; *H. Butler*, 2, p. 89; *H. Butler*, 1929, p. 80. Кальблосе (конец V в.): *H. Beyer*, p. 62, 65; *H. Butler*, 1929, p. 190; *G. Tchalenko*, II, tabl. XXII, CVIII. Керратин (начало V в.): *H. Beyer*, p. 131; *H. Butler*, 2, tabl. X; *H. Butler*, 1929, p. 157. Иль-Андерин: *H. Butler*, 2, p. 52; *H. Butler*, 1929, p. 159; Ель-Бара: *G. Tchalenko*, II, tabl. XII (1), CCXII. Умм идж-Джемаль: *H. Butler*, 1929, стр. 116.

¹⁹ *H. Beyer*, p. 22; *J. Strzygowski*. Kleinasien, S. 10 (церковь № 1), S. 14 (церковь III); *W. Ramsay and G. Bell*. The thousand and one Churches. London, 1909, p. 55 и fig. 80.

²⁰ В базиликах Турманин, Кальблосе, Марата, Умм идж-Джемаль. Имеющиеся в базиликах Кальблосе проходы из башен во входное пространство не меняют композицию.

²¹ В базиликах Рувеха, Керратин, Иль-Андерин и некоторых других (*H. Beyer*, p. 153).

²² Мы не касаемся здесь вопроса о происхождении и развитии башенного фасада сирийских базилик V—VI вв. Башни эти некоторые исследователи ведут из древней иранской архитектуры эпохи Ахеменидов (*H. Beyer*, p. 148 f.; *F. M. Bissing*. Der persische Palast und die Turmbasilika. — «Studien zur Kunst des Ostens. J. Strzygowski zum 60. Geburtstag». Wien, 1923, S. 40—57); этот взгляд поддерживал и сам И. Стриговский (*J. Strzygowski*. L'ancien art chrétien de Syrie. Paris, 1936, p. 64—65). Нам важнее непосредственные источники такой композиции. Башни сирийских базилик заключали в себе лестницы на хоры храма и явно исходят из башен, обычных в комплексах сирийских вилл римского и раннесредневекового времени, например, в Рувеха, Джерадеһ Рефад (*H. Butler*, 1903, p. 123, 125, 153; *G. Tchalenko*, II, tabl. XXII, 3); множество памятников такого рода в V—VI вв. дает Северная Сирия (*H. Butler*, 2, p. 70; 75, 84, 101; *H. Butler*, 3, p. 135, 138; *G. Tchalenko*, II, tabl. XXII, 2). Подобная башня с лестницей известна и в храме 245 г. в Дмер (обл. Гауран, Южная Сирия; *H. Butler*, 1903, p. 400—401).

²³ Серджила (*H. Butler*, 3, p. 116; *H. Butler*, 1929, p. 26); Тель-Аден (*H. Butler*, 1929, p. 96); ель-Бара (*G. Tchalenko*, II, tabl. XII, 1, 3; CCXII).

²⁴ Иль-Андерин, храм Архангелов (*H. Butler*, 1929, p. 190), Деир-Семан (*G. Tchalenko*, II, tabl. LXX).

²⁵ Брад (базилика Юлиана, 339—402 гг.) (*G. Tchalenko*, II, tabl. XI, 1). Бехо (там же, tabl. XI, 4; CXI, CXIII), Такль (там же, tabl. X, LXVI).

²⁶ Дар Кита (*H. Beyer*, p. 84; *G. Tchalenko*, II, tabl. IX), Бамукка (ок. 600 г.) (*G. Tchalenko*, II, tabl. XCIX).

в Калат-Семане (VI в.) галереи окружают весь комплекс базилик²⁷; у однопонейных базилик галереи обычно имеются только с южной стороны²⁸.

Особенно следует отметить обширную базилику ель-Бара, V в., по композиции очень близкую к Ереруйской базилике (рис. 1). Она также трехнефная, обрамлена с южной и северной сторон галереями, которые с западной стороны примыкают к башням, поставленным по сторонам входа, а с восточной стороны упираются в поперечно ориентированные удлиненные приделы (пастофории), выходящие за ширину наоса, т. е. основной части храма, благодаря чему восточная часть базилики, как в Ереруйке и Текоре, значительно расширена. Это, пожалуй, наиболее близкая параллель Ереруйской базилике, притом синхронная.

Очень выразительна и другая северосирийская параллель Ереруйской базилике — храм в Русафа, дающий близкую композицию всего западного фасада здания: в Русафа угловые башни также фланкируют главный широкий вход в базилику, по сторонам которого также расположены менее широкие ниши, разделенные узкими. Композиция очень близка, хотя пропорции различны, причем колонны в Ереруйке, что характерно, заменены пилястрами. На эту близость обратил внимание А. Хачатрян^{29а}.

Очень важна, в качестве аналогии, и упомянутая базилика в Серджилла IV—V вв. с такими же галереями, как в ель-Бара и Русафа, но меньшая по размеру, и с такими же сильно выступающими приделами, напоминающая по формам и пропорциям Текорскую базилику (рис. 2).

Очевидно, что и галереи на столбах с архитравным перекрытием, как и башни, перешли в культовую архитектуру Сирии из жилого строительства, где они как в римскую, так и в раннесредневековую эпохи были обычным и традиционным элементом²⁹.

В Армении уже в первой половине V в.³⁰ строились и другие базилики — столь же удлиненные и трехнефные, но в отличие от Ереруйской и Текорской со сводчатым перекрытием и без галерей, что позволяет выделить их в особую группу. Это базилика в Касахе (Апаранского района), исследованная А. Саиняном, давшим ее реконструкцию³¹, Егварте³², Аштараке³³, первоначальный кафедрал в Эчмиадзине (если принять реконструкцию, предложенную А. Саиняном³⁴, производившим тщательное

²⁷ *H. Butler*, 1929, p. 99; *G. Tchalenko*, II, tabl. LXXXVII.

²⁸ *H. Beyer*, p. 106, 121 (ц. Юлиана 345 г. в Умм идж-Джемаль в Южной Сирии; но формы этого храма существенно отличаются от базилик Северной Сирии).

^{29а} *A. Khatchatrian*. L'architecture Arménienne du IV-e au VI-e siècle. Paris, 1971, p. 95, 96, pl. 34, 168.

²⁹ *H. Butler*, 2, p. 68, 77, 78, 80—82, 90, 91; *H. Butler*, 3, p. 126, 129, 134—136; *G. Tchalenko*, II, tabl. VI, LXV, LXIX, XCV, CIV, CX, CXV. Число примеров можно намного увеличить.

³⁰ А. А. Саинян (указ. соч., стр. 256) склонен первые трехнефные базилики Армении отнести к IV в. Но определенных данных для такого предположения пока нет.

³¹ А. А. Саинян. Указ. соч.; «Очерки истории армянской архитектуры» (на арм. яз.). Ереван, 1964, рис. 16 (1), 17. Галерея с северной стороны пристроена к базилике позднее (А. А. Саинян. Указ. соч., стр. 256).

³² *Н. М. Токарский*. Указ. соч., стр. 90; «Очерки истории...», рис. 16 (3).

³³ *Н. М. Токарский*. Указ. соч., стр. 87; «Очерки истории...», рис. 18 (3). А. А. Саинян (указ. соч., стр. 254) считает, что базилики в Аштараке и Егварте первоначально имели деревянное перекрытие, что, конечно, возможно (ибо базилики носят следы перестройки), но твердых данных для этого нет.

³⁴ А. А. Саинян. Новые данные об архитектурном облике Эчмиадзинского собора. — «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. III. М., 1963, стр. 568—578. В первоначальном соборе Эчмиадзина в виде трехнефной базилики А. А. Саинян видит древнейший храм, построенный, по легендарным сведениям Агафангела (писателя V в.), в 279 или 301—303 гг., т. е. в конце III или в начале IV в. (там же, стр. 568). Но это маловероятно. Правильнее нам представляется отнести первоначальную базилику к концу V в., когда Ваган Мамиконян «восстановил от основания» весь храм, а перестройку его в купольное центрическое здание с четырьмя выступающими полукружиями связать, согласно мнению Т. Торамаяна, со строительством католикоса Комитаса в VII в. А. А. Саинян с этим несогласен (там же, стр. 571), сдвигая всю строительную историю эчмиадзинского храма более чем на полтора столетия назад. А. А. Саиняну возражает и Н. М. То-

археологическое исследование памятника) и первоначальный кафедрал в Двине.

Все эти базилики (кроме двинской) приблизительно одного масштаба (наименьшая — Аштаракская, длина 24,5 м, Касахская — 27 м; в Егварте — 32 м; в Эчмиадзине, по реконструкции, — 39 м); длина Двинской базилики — 52 м. Основная особенность их — та, что все они были, несомненно, сводчатыми. На сводчатость указывают прежде всего массивные столбы, толстые стены, как и данные археологического изучения самих памятников. Цилиндрические своды были основаны на трех, а в Егварте — на четырех парах столбов с лопатками (Т-образных); на лопатки и ложившись пять подпружных арок, перекинутых между столбами и поддерживавших своды. Только в первоначальном кафедрале Двина, наибольшем в этой группе храмов, — семь пар столбов, притом крещатых³⁵.

Цилиндрические своды среднего нефа у всех названных базилик немного возвышались над сводами боковых, но были скрыты под общей двухскатной кровлей. Как видно, сводчатые базилики в Армении V в. были еще новшеством и зодчие еще не решались сильно возвысить средний неф над боковыми (как то было свойственно базиликам с деревянным перекрытием), чтобы не ослабить устойчивость свода центрального нефа (и погасить его распор)³⁶. Вместе с тем вследствие небольшого повышения цилиндрического свода среднего нефа над боковыми и отсутствия возвышения стен среднего нефа над стенами боковых нефов зодчие были лишены возможности использовать выступы этих стен для устройства окон, которые осветили бы центральную часть храма: в армянских сводчатых базиликах она оставалась слабо освещенной. Кроме того, общая, и притом довольно пологая, двухскатная кровля над сводами всех трех нефов придавала базиликам приземистость, массы здания сливались в единый, слабо расчлененный массив. В смысле художественном эти храмы, конечно, немного уступали Ереванской базилике с ее сложным сочетанием различных объемов, очень гармоничной не только по плановой, но и по пространственной композиции. Зато отмеченный недостаток армянских трехнефных базилик возмещался их монументальностью: они впервые получили сплошное каменное сводчатое покрытие, что явилось, несомненно, большим шагом вперед в развитии зодчества Армении и всего Закавказья, всего Ближнего Востока.

Апсиды четырех названных базилик (в Касахе, Егварте, Эчмиадзине и Двине) сильно выступают вперед, имеют снаружи пятигранный контур, внутри — подковообразный, кроме Егвартской базилики, где апсида полукруглая (с бемой перед ней). Только у Аштаракской базилики апсида (внутри также подковообразная) скрыта снаружи в толще стены и не выступает наружу.

К группе армянских трехнефных сводчатых базилик V в. примыкают аналогичные (и по типу, и приблизительно по размеру) базилики Грузии, более или менее одновременные. Таковы базилики V—начала VI в. в Кахетии — Кацаратская, около Хашми (длиной 27 м), Наткора, около Телави (длиной 22 м), Натлис-Мцемели в Кандоли (длиной 19 м), перво-

карский (указ. соч., стр. 94), также относящий построение базилики к концу V в., а купольного храма — к VII в. (там же, стр. 92—93). Н. М. Токарский лишь добавляет, что древнейшим храмом (начала IV в.) могла быть однонефная церковь.

³⁵ Так реконструируют базилику по данным раскопок. См. *К. Кафадарян*. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952 (на арм. яз.), рис. 62; *А. А. Саинян*. Указ. соч., стр. 252—253. Первоначальный Двинский кафедрал выделяется своими огромными размерами (общая длина — 52 м). *К. Кафадарян* (указ. соч., русск. резюме, стр. 268) относит его к IV в., но убедительных данных не приводит. В V в., вероятно, во второй его половине, после перенесения церковной столицы в Двин (в 452 г.), базилику с трех сторон обнесли узкой галереей, а по сторонам алтарной апсиды построили узкие приделы, как в Текоре.

³⁶ *Н. М. Токарский*. Указ. соч., стр. 79.

начальная базилика Хирса (очень вытянутая, длиной 30 м)³⁷, а также в Урбниси (длиной 32 м)³⁸ и др. Все они также трехнефные, причем средний неф тоже вдвое шире боковых, все они также некогда были сводчатыми, о чем свидетельствуют толстые стены и массивные устои (продолговатые в плане пилоны, или крещатые, или Т-образные), которых две-три, но чаще четыре пары. Базилики эти лишены галерей и нартекса. Алтарное полукружие, большей частью подковообразное в плане и с подковообразной триумфальной аркой, не выступает наружу и, как в Аштараке, скрыто прямым восточным фасадом.

Выделяется лишь Болнисский Сион конца V в.³⁹ — столь же большая трехнефная базилика (длина — 28 м, ширина — основной части внутри, без галерей — 13,5 м), также сводчатая, с пятью парами крещатых столбов, часто расставленных, но относительно менее массивных, а потому не в такой степени расчленяющих внутреннее пространство, как в упомянутых базиликах. В этом отношении Болнисский Сион ближе к Ереванской базилике, с которой сближает его и наличие галерей с северной и южной сторон.⁴⁰ Однако ядро Болнисской базилики не имеет принципиальных отличий от упомянутых трехнефных базилик Армении и Грузии.

По своей плановой композиции эти трехнефные базилики также находят себе параллели в сирийской архитектуре V—VI вв. — как в Северной, так и Южной Сирии. Базилики с невыступающей (скрытой снаружи) апсидой, как в Аштараке и в Грузии, особенно характерны для различных областей Сирии — таких базилик, но с деревянным перекрытием и с часто расставленными устоями в виде колонн или, реже, столбов — огромное большинство, и встречаются они повсеместно как в V, так и в VI в.⁴¹ Очень распространена там, как известно, и подковообразная форма апсиды и верхней части проемов (продольных арок между устоями и верха окон). Немало известно в Сирии и базилик с выступающей наружу апсидой, большей частью полукруглой, реже трехгранной и с редкими (двумя парами, реже с одной) массивными продолговатыми столбами⁴². Встречаются в Сирии и храмы с тремя полукруглыми (изнутри храма) апсидами, из которых средняя выступает наружу тремя гранями⁴³.

³⁷ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, I (текст). Тбилиси, 1959, стр. 55—65, 67, 68—69, 69—71.

³⁸ П. П. Закарая. Чождение городища Урбниси. Тбилиси, 1965 (на груз. яз. с русск. резюме), стр. 99 сл.

³⁹ Г. Н. Чубинашвили. Болнисский Сион. Тбилиси, 1940. Аналогом Болнисского Сиона является известная базилика в с. Кум (Кавказская Албания, ныне на территории Азербайджана): базилика трехнефная, с тремя парами устоев; восточные углы по сторонам апсиды отделены стенками, таким путем образованы приделы; полукруглая апсида, как и в Болниси, выступает вперед. Храм также окружен галереями. См. П. Д. Барановский. Памятники в селениях Кум и Лекит. — Сб. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами». М., 1947, стр. 32.

⁴⁰ Восточную часть южной галереи занимает помещение с полукруглыми на обоих концах его, обращенными друг против друга, — может быть, по мысли Я. И. Смирнова, являвшееся крещальней.

⁴¹ Н. Butler, 1929, IV в.: р. 26, 27, 29, 32, 35, 37, 210; V в.: р. 46, 50, 51, 56, 59, 60, 62, 64, 65, 67, 70, 78, 81, 82, 188, 209; VI в.: р. 116, 118, 119, 128, 130, 133, 142, 144, 145 (и 208), 160, 189, 190. В большинстве базилик нефы разделяются колоннами; встречаются и редко поставленные столбы — р. 142 (и 196) — ц. в Браде, 501 г.; 145 (и 208) — в Рувена, VI в., как в Кальблосе, кон. V в.; 189 — ц. Джуванийе, 554 г. Н. М. Токарский считает (указ. соч., стр. 87), что невыступающая наружу апсида Аштаракской базилики является признаком более поздней ее постройки — в первой половине VI в. Но приведенные сирийские параллели показывают, что эта форма была там уже известна в IV в., а в V в. стала обычной. Перенос Аштаракской базилики в VI в. нам представляется необоснованным.

⁴² Н. Butler, 1929, IV в.: р. 20, 39; V в.: р. 44, 76, 77, 86, 204, 217 (?); VI в.: р. 119, 121, 190; начало VII в.: р. 89.

⁴³ Бетлер указывает, что в Сирии известно три таких храма, один из которых, в Сямдж, VI в., с трехгранной средней апсидой (Н. Butler, 1929, р. 119). Трехгранную сильно

Конечно, принципиальное различие между сводчатыми армянскими базиликами и сирийскими трехнефными базиликами с деревянным покрытием, о чем говорилось, слишком велико, чтобы ставить рядом те и другие, но все же следует признать, что армянские зодчие — строители сводчатых базилик — вырабатывали их формы, исходя из архитектуры Сирии, приняв оттуда самую планировку базилик. Это тем более важно иметь в виду, что в смежных с Арменией областях Малой Азии (Бинбиркилисе в Ликаонии) сводчатые трехнефные базилики также строились уже в V в.⁴⁴

Следует отметить еще одну композицию, весьма распространенную в раннесредневековой культовой архитектуре Сирии, имевшую, вероятно, своих представителей и в Армении, — базилики с прямоугольным алтарем⁴⁵. В армянской архитектуре V—VII вв. такие базилики, правда, неизвестны или, по крайней мере, не сохранились⁴⁶. Зато мы знаем эту форму по очень своеобразному храму X в. в Бюракане (на южном склоне Арагаца)⁴⁷, что в современном ему армянском зодчестве беспримерно. Прямоугольный алтарь в архитектуре багратидской Армении может быть объяснен только как наследие предшествующей эпохи, доарабской, объясненное своим появлением на почве Армении сирийской архитектуре преимущественно VI в., хотя эта форма, видимо, и не приобрела в Армении популярности.

Аналогичны сирийским и некоторые раннесредневековые (V—VI вв.) однефные храмы Армении: почти все они удлиненные с полукруглой или подковообразной алтарной апсидой, не выступающей наружу (скрытой прямым фасадом), с мартирием с южной стороны и дякоником — с северной. Наиболее ранние из них имели деревянное стропильное перекрытие⁴⁸. Храмы эти — и по планировке, и по отдельным формам (подковообразные арки и форма апсиды, наличие у некоторых базилик галерей, декоративные детали) — несомненно, близки к сирийским⁴⁹. Правда, имеются и отличия, но о них скажем ниже.

В раннесредневековой культовой архитектуре Сирии наблюдаются и другие элементы раннеармянских базилик — Т-образные столбы⁵⁰, арки подковообразного контура⁵¹, аналогичные еревуикским наличники

выступающую апсиду имеет однефный храм в Дер иль-Каф, второй половины IV в. (там же, р. 20) и Эзра (Зорах), 515 г. (там же, р. 122). Но пятигранные апсиды, подобные апсидам армянских базилик V в., в Сирии мне неизвестны.

⁴⁴ См., например: *J. Strzygowski*. Kleinasien, S. 21; *R. Krautheimer*. Early christian and byzantine Architecture. London, 1965, p. 122.

⁴⁵ *H. Beyer*, p. 80—91; *H. Butler*, 1903, p. 206, 208, 209, 212, 217, 218, 230, 234, 236; *H. Butler*, 4, p. 161, 163, 169, 185, 198, 205, 208; *H. Butler*, 5, p. 229, 240, 246; *H. Butler*, 6, p. 287, 291, 311, 327, 329, 332; *H. Butler*, 1929, p. 136, 141, 148, 150, 151, 188, 189, 217; *G. Tchalenko*, II, tabl. XI (6), XIII, XLII (2), XCIX, CXI. Известны такие базилики и в смежном с Сирией районе Малой Азии — в Киликии (МАМА, III, 1931, табл. 54).

⁴⁶ Т. Тораманян [Т. Тораманян. Материалы по истории армянской архитектуры, I. Ереван, 1942, стр. 131, 197 (на арм. яз.) и рис. 110 на стр. 189; II, 1948, стр. 124] полагал на основании своих наблюдений на месте, что первоначальная Текорская базилика (дохристианская) имела именно прямоугольный алтарь и что такой алтарь имели и другие наиболее древние раннехристианские храмы Армении (ср. А. Саинян. Указ. соч., стр. 255).

⁴⁷ А. Л. Яковсон. Храм X в. в Бюракане. — «Историко-филологический журнал». Ереван, 1971, № 2, стр. 116—124, рис. 2.

⁴⁸ Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв. Ереван, 1961, стр. 73—75, рис. 20.

⁴⁹ Ср. армянские однефные базилики в Диракларе и в Двине с сирийской в Рбеа (Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв., рис. 20, 3, 116; G. Tchalenko, II, tabl. XIII, 13), базилики в Аване и Эчмиадзине с сирийской базиликой Бауде IV в. и в Бардхан VI в. (Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв., рис. 20, 6, 7; G. Tchalenko, II, tabl. XII, 8, 10).

⁵⁰ Например, в базилике Рувеха: *H. Butler*, 3, p. 144.

⁵¹ Например, там же, tabl. XV—XVI.

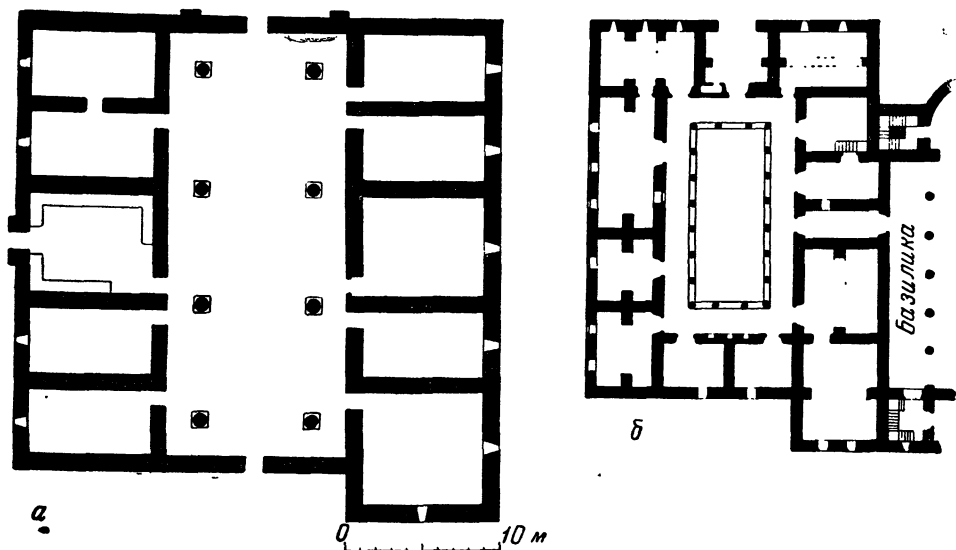

Рис. 3: а — дворец в Двине (по В. Арутюняну); б — монастырское жилое здание в Умм ис-Сураб (по Бетлеру)

входов в виде слегка подковообразной и сложно профилированной арки под высоким щипцом с сухариками, основанной на массивных колоннах с коринфскими капителями. Форма ереруйкского наличника-портала вполне выработана и развита. Очень близки входные порталы южного фасада базилики Рувеха⁵², отличающиеся от ереруйкских лишь более сильным выступом⁵³.

Нередка у сирийских базилик и композиция западного фасада с величественным порталом и тройным окном, завершающим фасад⁵⁴.

Раннесредневековая архитектура Сирии, как мне представляется, получила отражение и в планировке армянских дворцов, открытых раскопками в Двине и Аруче⁵⁵.

Оба дворца состоят из удлиненного парадного зала с четырьмя парами (в Двине) или тремя парами (в Аруче) массивных устоев в виде колонн, поддерживавших, по реконструкции В. М. Арутюняна, три (в Двине) или два (в Аруче) деревянных шатра; к этому залу с обеих сторон примыкают жилые и хозяйственные помещения. Оба дворца почти одинаковы не только по планировке, но и по размерам.

Дворец в Аруче построен Григорием Мамиконяном во второй половине VII в. Постройку же дворца в Двине приписывают католикосу и датируют различно: 461 или 485 гг. (К. Г. Кафадарян), или не позднее 572 г. (В. М. Арутюнян), или VII в. (Н. М. Токарский)⁵⁶. Однако иден-

⁵² Там же, табл. XVII.

⁵³ Аналогичные сильно выступающие портики имеют и некоторые другие сирийские базилики. См., например: *H. Beyer*, p. 52, 59; *H. Butler*, 1903, p. 194; *H. Butler*, 5, p. 240; *H. Butler*, 6, p. 271, 273, 276, 330, 332; *H. Butler*, 1929, p. 59, 64, 67.

⁵⁴ Мшаббак: *H. Butler*, 1903, p. 144; Рувеха: *H. Beyer*, p. 60; Бакирша, Такль, Бехно: *G. Tchalenko*, II, tabl. CLVI, CLXXIX, CXCVIII.

⁵⁵ В. М. Арутюнян. Архитектура патриаршего дворца в Двине. — «Труды Ереванского политехнического института». Ереван, 1948; *его же*. Раскопки дворца Мамиконянов VII в. в Аруче. — «Известия АН Армянской ССР». 1953, № 8, стр. 53—65; *Н. М. Токарский*. Архитектура Армении IV—XIV вв., стр. 56—67.

⁵⁶ *К. Г. Кафадарян*. Двин и его раскопки. Ереван, 1952 (на арм. яз., русск. рез.), стр. 269; *В. М. Арутюнян*. Указ. соч., стр. 148; *Н. М. Токарский*. Архитектура Армении IV—XIV вв., стр. 66.

тичность дворца в Двине и дворца в Аруче делает датировку Н. М. Токарского наиболее вероятной: оба дворца, скорее всего, приблизительно одновременны.

Памятники эти опубликованы, и нам нет надобности вдаваться в детали. Ограничимся, соответственно теме нашей статьи, указанием на близкие параллели этим дворцам в Сирии.

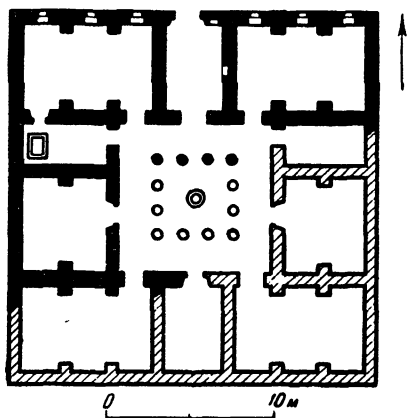

Рис. 4. План богатого жилого дома в Ит-Туба (Северная Сирия) (по Бетлеру)

Имеем в виду богатый жилой дом в Ит-Туба в северной части страны (в 20 км к северо-востоку от Хама)⁵⁷ и монастырское жилое здание, примыкающее с северной стороны к церкви Сергия и Вакха, возведенной в конце V в. (489 г.) в Умм ис-Сураб в Южной Сирии (рис. 3 и 4)⁵⁸. Здания эти, особенно последнее, очень напоминают планировку армянских дворцов и также состоят из большого центрального помещения — открытого дворика (в Умм ис-Сураб — с цистерной), окруженного галереей на колоннах; к дворнику с галереями примыкают со всех сторон, как в Армении, одноэтажные и двухэтажные помещения, а с одной из сторон во двор ведет вход. Размеры обоих сирийских жилых

зданий несколько меньше армянских дворцов, но пропорции приблизительно одинаковы:

	Двин	Аруч	Ит-Туба	Умм ис-Сураб
Длина	29 м	23,5 м (?)	21,5 м	24 м
Ширина	31 м	24,5 м	22 м	19,5 м
Ширина дворика	11,5 м	11,5 м	9 м	8,5 м

Мы можем сослаться только на два таких памятника в Сирии, но вряд ли можно сомневаться, что это были отнюдь не единственные здесь постройки такого рода, как не были одиноки в раннесредневековой Армении дворцы светских и церковных нахараров, аналогичные дворцам в Двине и Аруче.

Наконец остановимся на декоре ранних армянских базилик. Декор этот очень сдержанный и лаконичный — и в Ереруйской, и в Текорской базиликах, тем более в других, более простых и меньших по размеру. Декор этот всецело подчинен архитектуре и никогда не вступает с ней в соревнование, а тем более — в противоречие. Он призван лишь подчеркнуть основные линии и элементы фасада. Окна Ереруйской базилики обрамлены широкой сложного профиля тягой, спускающейся до низа окна и имеющей внизу отвороты в стороны; наличники эти резко подчеркивают контур окна на широкой глади стены. Порталы венчаются также широкой и сильно выступающей подковообразной аркой столь же сложного профиля, или, как в Текоре, арка заполняется орнаментальной резьбой: благодаря глубине и сложной профилировке, создающей светотеневые контрасты, арка столь же эффектно выделяет вход.

Арки опираются на массивные полуколонки (в Ереруйской базилике) или двойные полуколонны (в Текоре), капители которых украшены зубчатым (острым), типично сирийским аканфом, листья которого широко разветвляются или даны в виде прямо растущих веток⁵⁹. Не менее показательны широкие наличники окон и входов.

⁵⁷ Н. Butler, 1, p. 21—22.

⁵⁸ Н. Butler, 1929, p. 47, 85, fig. 45 и 90; ср. p. 115, fig. 115.

⁵⁹ Н. Я. Март. Ереруйская базилика, табл. VI и IX.

Такого рода декор ранних армянских базилик имеет много точек соприкосновения с сирийской архитектурой V—VI вв., для которой мотив широких тяг, обрамляющих порталы и окна с отгибом вниз, особенно характерен⁶⁰. В Сирии широкие тяги-наличники встречаются в двойном виде — либо они ограничиваются одним окном, не переходя на соседние, либо, наоборот, даны в виде непрерывной тяги, соединяющей ряд окон, и заканчиваются широким завитком; нередко эти тяги даже переходят на смежные фасады, объединяя их⁶¹.

Правда, в Ереруйской и Текорской базиликах этот прием разработки архитектурного фасада несколько упрощен, количество декора сокращено, он лишен той усложненности, которая свойственна многим сирийским храмам, и стал больше соответствовать строгости самой архитектуры ранних армянских базилик, нарочито освобожденных от декоративных излишеств. В этой строгости и лаконичности — одна из черт своеобразия Ереруйской базилики, в которой проявился большой художественный такт зодчего.

Ту же черту мы наблюдаем в Текорской базилике⁶². В ее портале (он являлся декоративным центром здания) также использованы сирийские орнаментальные мотивы. Вход и венчающая его подковообразная арка обрамлены орнаментом в виде коротких желобков («ложек»), очень популярным в сирийской архитектуре мотивом еще античного происхождения. Полоса «ложек» сочетается с протянутой над входом полосой, заполненной орнаментом в виде пучков побегов-желобков, выходящих из спирали, расширяющихся и изогнутых в полудуги; пучки эти поочередно обращены вверх и вниз. Мотив этот представляет собой несомненно стилизацию растительных побегов, в чем убеждают известные мне аналогии — декор дворца V—VI вв. ель-Каазр в Аммане (Палестина)⁶³. Все эти декоративные мотивы — привнесенные, но вместе с тем портал Текорской базилики существенно отличается от сирийских и палестинского, он так же, как и в Ереруйке, лишен пышности и усложненности, он прост и ясен по своей компоновке, он, как и в Ереруйке, сдержан и строг.

Так армянские зодчие V в. — времен Ереруйской и Текорской базилик — по-своему трактовали то сирийское искусство, которое они хорошо знали и, как видно, почитали, но воспринимали не как обязательный и застывший образец, а лишь как точку отправления для своего творчества.

Однако для Ереруйской базилики характерен и другой прием декора, можно сказать, принципиально отличающийся от описанного. Речь идет об украшениях капителей пилястр и перемычек над входами (южными и западными). Капители эти большей частью украшены равноконечным крестом в ординарном или двойном круге из треугольников, а по сторонам круга совсем схематически вырезанными ветвями аканфа с узкими и острыми лепестками⁶⁴.

Перемычки входов украшены также очень скромно. На перемычке западного входа вырезан равноконечный крест в круге на слегка углубленном фоне, по сторонам его два барана с круто загнутыми рогами; все это обрамлено каймой из кружков, разделенных стрелками (они воспроизводят листики)⁶⁵.

⁶⁰ Это уже отмечал Н. М. Токарский. («Архитектура Армении IV—XIV вв.», стр. 80—81).

⁶¹ Примеры первого варианта: *H. Butler*, 1903, p. 30, 223; *H. Butler*, 1929, p. 139, 176, 225. Примеры второго варианта: *H. Butler*, 1903, p. 30, 211, 213, 215, 224, 232; *H. Butler*, 1929, p. 150, 185, 222, 226, *G. Tchalenko*, II, tabl. CLVI.

⁶² *Н. Я. Марр*. Ереруйская базилика, табл. IX.

⁶³ Амман (ныне столица Иордании) находится в Заиорданье, в 70 км к востоку от Иерусалима. См. *Н. П. Кондаков*. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904, стр. 129, 130, рис. 22, табл. XXX.

⁶⁴ *Н. Я. Марр*. Ереруйская базилика, стр. 10—17.

⁶⁵ Там же, стр. 18 и табл. VII.

Перемычки южных входов украшены аналогично. У одного из них (восточного) — в центре также крест в круге, обрамленном треугольниками, по сторонам его опять-таки схематически изображенные (вернее сказать, прочерченные) деревья; по краям плиты перемычки — шестиконечные розетки в круге с треугольниками; плиту также обрамляет кайма из кругов с полушариями и стрелочками между ними⁶⁶. Резьба перемычки другого, южного входа отличается лишь наличием развевающейся ветви (крест, таким образом, был процветший) и рогатых барашков⁶⁷.

Порталы других одновременных базилик Армении еще скромнее. Так, вход в большую базилику Циранавор в Егварте украшен сложного профиля аркой с сухариками, а в тимпане помещена лишь шестиконечная розетка⁶⁸.

Декор всех этих перемычек и капителей пилястр имеет одну общую особенность: он очень плоскостной⁶⁹ и вызывает ощущение деревянной резьбы. Это ощущение укрепляют такие мотивы, как ряды треугольников, столь обычные в деревянной резьбе. «Деревянный» характер носят и деревья и аканфовые узкие и острые побеги на пилястрах Ереруйкской базилики, довольно резко отличающиеся от аканфов на капителях полуколонн (на западном и южном фасадах Ереруйкской и западном фасаде Текорской базилик), резьба которых следует приемам монументальной сирийской пластики. Это как бы второй пласт декора Ереруйкской базилики, контрастирующий с первым, «монументальным» пластом и исходящий не из сирийской монументальной пластики, а, по-видимому, из народной деревянной резьбы, переведенной в камень.

Правда, и в раннесредневековой Сирии мы находим памятники с плоскостным декором, также обязанным влиянию деревянной резьбы: и схематические геометризованные деревья⁷⁰, и то же чередование кругов с крестами и розетками⁷¹, и кресты в круглой кайме с треугольниками⁷²; немало встречаем и других примеров плоскостной резьбы над входами, на капителях, различных плитах и пр.⁷³ Но эта каменная резьба на сирийских раннесредневековых храмах далека от армянской по самому характеру рисунка, уже не связанного с античными мотивами. В этом заключается очень существенное отличие плоскостного декора армянских и сирийских базилик: в тех и других мастера следовали своим родным, и притом различным, традициям народной деревянной резьбы, получившей приложение в монументальной каменной архитектуре⁷⁴.

Но не только в этом мы видим своеобразие армянских базилик и их отличие от сирийских. В первой части нашей статьи шла речь о чертах, сближающих те и другие. Но вместе с тем можно констатировать, что и собственно архитектура раннехристианской Сирии, поначалу питавшая творчество армянских зодчих, подверглась в Армении значительной переработке. Большие армянские базилики V в. в сущности не находят себе достаточно полных аналогий в Сирии — ни Ереруйкская, ни Текорская, ни другие.

⁶⁶ Н. Я. Марр. Ереруйкская базилика, стр. 15 и табл. VI.

⁶⁷ Там же, стр. 15.

⁶⁸ Н. М. Токарский. Предварительный отчет о поездке в Армению осенью 1923 г. — «Известия РАИМК», IV, 1925, стр. 350.

⁶⁹ Что уже отметил Н. Я. Марр («Ереруйкская базилика» стр. 22).

⁷⁰ Н. Butler, 2, p. 85 (также на капители пилястры).

⁷¹ Н. Butler, 1929, p. 50 (на круглой капители).

⁷² Н. Butler, 1903, p. 33 (№ 12, 15); Н. Butler, 1929, p. 232 (№ 12, 15).

⁷³ Например: Н. Butler, 1903, p. 82, 136, 239; Н. Butler, 2, p. 59, 68, 77, 81, 86; Н. Butler, 1929, p. 135, 216, 232 (различные диски).

⁷⁴ В качестве исключения можно назвать трапециевидную перемычку входа в базилику Кирбит Хасан 507 г. (Н. Butler, 1929, p. 231); плита украшена тремя плосковырезанными розетками в кругах, окаймленных треугольниками и кружками, очень похожими (по рисунку и характеру резьбы) на круги с розетками на перемычках Ереруйкской базилики.

Даже близкие сирийские параллели указывают на своеобразии армянских базилик. Так, Ереруйская базилика весьма существенно отличается от своего ближайшего аналога — громадной базилики в ель-Бара (в Апамене) ⁷⁵ — своими пропорциями, как в целом, так и в отдельных частях (рис. 1): западные угловые башни с входом на хоры в ель-Бара благодаря вытянутой (с севера на юг) форме создают иной, чем в Ереруйке, западный фасад. Многочисленные внутренние устои-колонны в ель-Бара расчленяют внутреннее пространство базилики, четко и резко выделяя центральный неф. В Ереруйке же было всего три пары устоев с очень широкими пролетами между ними; благодаря этому внутреннее пространство воспринималось как единое. Правда, это качество наблюдается и в некоторых других базиликах Северной Сирии (например Кальблосе, кафедрал в иль-Андерин, Рувена) ⁷⁶. Однако такие базилики в Сирии редки, но именно эта черта монументальной архитектуры получила затем в Армении, как и в Грузии, блестящее развитие в купольных базиликах и центральных композициях.

Сравнение Текорской базилики (до ее перестройки в купольную) с ее ближайшим аналогом — базиликой в Серджилла (рис. 2) ⁷⁷ ясно указывает не только на сходство, о котором говорилось выше, но и на существенные черты различия. Если общие внешние пропорции у обеих базилик приблизительно одинаковы, то пропорции внутренних объемов отличались: алтарная апсида в Текоре значительно шире, определяя иное соотношение нефов; боковые нефы здесь сужены, средний был относительно шире, чем в Серджилла, что создавало иной пространственный облик здания. Значительно уже были и галереи Текорской базилики. Таким образом, и здесь был сделан акцент на расширение среднего нефа, что явилось определенным отходом от сирийских базилик.

Еще резче бросается в глаза отличие архитектуры ранних (V в.) армянских трехнефных базилик без галерей от трехнефных базилик Сирии, о чем отчасти уже говорилось: армянские базилики V в. были перекрыты цилиндрическими сводами в противоположность обычным деревянным перекрытиям сирийских базилик. Средний неф армянских базилик, правда, мало возвышался над боковыми, и своды всех трех нефов были скрыты под общей двухскатной кровлей. Это снижало в сравнении с сирийскими общие пропорции армянских храмов, их общий силуэт, делало их приземистыми, что, конечно, меняло весь их архитектурный облик. Но вместе с тем это монументальное каменное перекрытие полуциркульными сводами было крупным принципиальным новшеством, ознаменовавшим большой прогресс армянской архитектуры. Правда, поначалу это новшество снизило художественный эффект армянских трехнефных базилик — они утратили стройность, присущую Ереруйской базилике. Их массивность и монументальность резко отличали их от более легких и стройных сирийских базилик с возвышавшимся средним нефом. Но зато это новшество послужило прочным фундаментом подлинного расцвета армянского зодчества в следующих столетиях.

Применение цилиндрических сводов в армянских базиликах V в. привело и к другим расхождениям: ряды часто поставленных колонн, обычные в Сирии, сменились в Армении редко поставленными, зато более массивными столбами с лопатками, как в Ереруйке (и только в Двинском кафедрале, как и в грузинском Болнисском Сионе, — крещатыми). Эти массивные устои неизбежно дробили внутреннее пространство и сокращали его, и лишь уменьшение числа их до трех-четырёх пар отчасти компенсировало такое сокращение. Расширение внутреннего пространства храма — та проблема, которую армянские зодчие блестяще разрешили в VII сто-

⁷⁵ G. Tchalenko, II, tabl. XII, 1; ССХII.

⁷⁶ Ibid., tabl. СХСХVI; H. Butler, 1929, p. 71.

⁷⁷ H. Butler, 3, p. 116; H. Butler, 1929, p. 26.

летию, т. е. на следующем этапе развития армянской архитектуры, но тенденция архитектурного развития ясно проявилась уже в V в. Различна, наконец, и форма выступающей апсиды армянских базилик V в. — пятигранная, в то время как в сирийских базиликах она обычно полукруглая и лишь изредка трехгранная.

Однонефные армянские храмы также имеют выразительные отличия. Во-первых, многие из них уже в V в. по примеру трехнефных базилик перекрывались полуциркульным сводом, на что могут указывать пристенные пилястры, на которые опирались подпружные арки свода ⁷⁸. Во-вторых, однонефные храмы Армении редко сопровождаются галереями, обычными у однонефных храмов Сирии. В-третьих, среди наличных однонефных храмов Армении неизвестны постройки с прямоугольным алтарем, а если такие и были, но не сохранились, то, во всяком случае, эта форма не имела здесь, как говорилось, широкого распространения.

Различия декоративной разработки фасадов и характера декора храмов Сирии и Армении рассматривались выше.

Мы можем сказать, что в Армении в раннее средневековье — в эпоху утверждения христианства — имело место не только влияние монументальной архитектуры Сирии (а может быть, и Палестины), а иногда и прямой перенос форм, шедших в Армению преимущественно из Северной Сирии) вслед за распространявшимся оттуда христианством (это влияние было поэтому вполне закономерно), но и другое явление: более или менее значительная переработка форм сирийской монументальной архитектуры под углом зрения новых архитектурных задач, которые встали перед зодчими Армении — прежде всего создание максимально объединенного внутреннего пространства. Эта переработка привнесенных художественных замыслов и форм их воплощения — явление исторически не менее важное: оно показывает, что уже на заре средневековья в Армении формировалась своя архитектурная школа со своими архитектурно-художественными принципами. Как видно, к тому времени армянские зодчие успели накопить собственный большой архитектурный опыт и, усваивая близкие им по духу нормы сирийской монументальной архитектуры, создавали на этой общей основе произведения, полные своеобразия и художественной зрелости ⁷⁹.

⁷⁸ Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв., стр. 73—74.

⁷⁹ Уже после сдачи в печать настоящей статьи я получил возможность ознакомиться с очень интересной большой работой А. Хачатряна — исследованием раннесредневековой архитектуры Армении (А. *Khatchatrian. L'architecture Arménienne du IV-e au VI-siècle.* Paris, 1971). Одно из приложений к книге посвящено сравнительному анализу армянской и сирийской архитектур (стр. 92—97). В наиболее существенных пунктах наши взгляды совпадают. В архитектуре Сирии (имеются в виду северные районы страны) автор также видит источник вдохновения армянских зодчих V—VI вв. (стр. 92 и 97) и вместе с тем, как и мы, анализирует определенные различия монументальной архитектуры Армении и Сирии. Но в усилении этих различий, в усилении расхождений зодчества Армении и Сирии автор, в противоположность нам, не видит проявления определенного процесса развития и его не прослеживает; в этом, на наш взгляд, — недостаток исследования А. Хачатряна. Положительной стороной его работы является включение в обзор гробничной архитектуры, особенно близкой к сирийской, которой мы, наоборот, почти не касались, акцентирование гражданских источников культовой архитектуры (о чем в нашей статье говорится очень кратко) и сравнительный анализ архитектуры базилик Ереруйка и Русафы (стр. 95—96), убеждающий в том, что Ереруйская базилика также находит немало параллелей в зодчестве Северной Сирии.